

От редакции

Редакция журнала задумала выпуск данного номера как попытку отобразить взгляды отечественных и зарубежных учёных по комплексу вопросов этики в науке и этики их взаимоотношений с обществом и государством в современной России и в мировом сообществе.

Первоочередным фактором, обостряющим интерес во всём мире к выработке оптимальных форм этих взаимоотношений, становится осознание масштаба опасных последствий воздействия неконтролируемо применяемых достижений науки на природу, общество, отдельного человека. Тревогу вызывает несоответствие между быстрым расширением арсенала средств таких воздействий и темпами выработки компетентного и ответственного общественного отклика на них. Речь идёт как о прогнозе материальных эффектов, так и о формировании этической оценки, исходящей из представлений о должном, целесообразном и допустимом. Базируясь на вечных гуманитарных ценностях, эти представления должны уточняться, конкретизироваться, развиваться как при осмыслении новых научных идей и технологий, так и в связи с изменениями экономических и социокультурных факторов, определяющих контуры Современности.

Земной шар поделён на цивилизационные «миры», и в каждом — своя Современность. В странах Европы, Северной Америки и Дальнего Востока с развитой культурой экономики и демократии, государственных и общественных институтов и, что не менее важно, норм и атрибутов повседневного обихода, уже более четверти века идут процессы становления постиндустриальной цивилизации, или *постмодерна*. В этом, «первом», «мире» зафиксировано и всё более систематично и многосторонне отражается снижение влияния экономического роста на благополучие, объективное и субъективное, и на спектр потребностей гражданина. Для центральной фигуры постмодерна, творческой личности, приоритеты в выборе профессии, круга дел и общения формируются на основе критериев качества жизни, а не экономической, доходно-карьерной достижительности, как это было в индустриальном обществе, или в период *модерна*¹.

Становление новой цивилизации порождает новые проблемы и противоречия, ещё более сложные, чем в эпоху модерна, ибо, как пишет В.Л. Иноземцев², основные противоречия в постиндустриальном обществе связаны не с соперничеством за получение большей доли лакомого для всех пирога, а со стремлением

разных общественных групп жить по сути в разных мирах, устроенных в соответствии с их качественно разными ценностными установками. Будущее постмодерна в существенной степени должно зависеть от того, как будет вестись поиск нового взаимопонимания и согласия, в каких идеях и нормах будут воплощены приемлемые для большинства представления об общественном благе. Таким образом, выработка *этического* базиса новой цивилизации становится одной из её важнейших задач.

Постмодерн — это общество знания, и потому его научной и культурной элитам принадлежит, видимо, главная роль в адекватном осознании и поисках путей решения как проблем своей цивилизации, так и общемировых этических проблем взаимодействия науки с обществом и государством, обрисованных выше. Отметим здесь некоторые организационные формы этих усилий. В рамках ЮНЕСКО сформирована Всемирная Комиссия по этике научного знания и техники, а Международный Совет научных союзов (МСНС) основал Постоянный Комитет по ответственности и этике в науке (ПКОЭН). Исходя из того, что *сочтено своевременным пересмотреть заново цели и ценности, которые ныне направляют всю научную деятельность*, Комитету поручен поиск решений, касающихся этики и ответственности в научной деятельности.

МСНС и ЮНЕСКО совместно организовали Всемирную научную конференцию, которая происходила в Будапеште с 26 июня по 1 июля 1999 года. Этике науки была посвящена специальная сессия конференции. ПКОЭН составил для этой сессии предварительный доклад об этике и ответственности в науке с намерением очертить главные области современной науки, порождающие этическую озабоченность. Сокращённый перевод этого доклада, опубликованного в журнале *Science and Engineering Ethics*, представлен в данном номере журнала. Само существование этого журнала может служить дополнительной иллюстрацией значимости в «первом мире» темы, ставшей названием журнала.

В России также происходят глубокие цивилизационные изменения, но их причины и характер качественно отличаются от переживаемых «первым миром». Причины и мотивы цивилизационных преобразований «первого мира» на пути к постмодерну, начавшихся в 70-е годы, были связаны с достижением значительной частью граждан этих стран такого уровня материальной обеспеченности и безопасности, который позволял им переакцентировать свои запросы и планы. Индустриальная эпоха принесла свои плоды, и «первый мир» ныне расстается с ней, чтобы перейти к цивилизации более высокого уровня.

Россия в середине 1980-х годов также расставалась со своей версией «модерна», но расставание здесь происходило в атмосфере надвигавшегося цивилизационного краха: материальные и идейные ресурсы, необходимые для воспроизведения прежнего способа

¹ Этой теме посвящена богатейшая литература. Укажем здесь лишь несколько недавно опубликованных в России работ: Р. Инглхарт. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Полис, 1997, № 4; Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество, М., 1999; В. Л. Иноземцев. За пределами экономического общества. М., 1998; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под редакцией В.Л. Иноземцева, М., 1999.

² В.Л. Иноземцев. Расколота цивилизация, М., 1999.

существования, истошались, и никакие «косметические» переделки помочь уже не могли. Требовалась радикальная трансформация экономических, социальных и государственных процессов и институтов. В отличие от ситуации в «первом мире» этическое основание или ценностное ядро иного, желанного общественного устройства к этому историческому моменту в России не было ни предуготовлено опытом, ни разработано концептуально. Точнее говоря, представления о нём были законсервированы на уровне мифологии. Реформы конца 1980-х — начала 1990-х годов изначально предполагали материальные потери и снижение веса и престижа страны на международной арене. Но массовое сознание готово было смириться с временным падением статуса и благосостояния страны и граждан, компенсируя их ожиданиями реализации нового официального мифа. Его бесновательность была осознана очень скоро, и выборы 1993 года были уже «выборами разочарования».

Эффект разочарования реформами на первом этапе их реализации — характерное явление для многих стран, осуществлявших переход от авторитарного к демократическому устройству. Но в странах, где «демократический транзит» прошёл успешно, период разочарования относительно быстро проходил, открывая путь к формированию более сбалансированной общественной системы, которую называют «консолидированной демократией».

В России, к сожалению, «демократический транзит» в существенной степени не удался. Одной из причин или одним из факторов этой неудачи стало «зацикливание» массового сознания в череду мифических ожиданий, сохраняющих черты языческих верований, и неизбежных разочарований в них.

Институты науки в современной России и люди, в них работающие, находятся, как правило, в состоянии бедствия и, что хуже, отсутствия системной перспективы выхода из него. Вместе с тем, в эпоху советского модерна были созданы образовательные центры и научные школы высокого, по мировым критериям уровня. Процессы их разложения и «вымывания» научной элиты и талантливой молодёжи продолжались в течение всего прошедшего десятилетия, но и сейчас ресурс идей мировой науки, апелляция к институтам и кадрам отечественной науки, а также к организациям и людям, занятым в наукоёмких сферах деятельности, представляются приоритетными по содержательности и значимости для будущего страны. Не ясно, правда, сколь долго ещё у такой апелляции сохранится деспособный адресат.

Российские и мировые этические проблемы в триаде наука — общество — государство имеют, разумеется, общие черты, отражённые как в докладе ПКОЭН, так и в наборе статей данного номера, посвящённых, в первую очередь, этической стороне профессиональной деятельности учёных и научных коллективов. Но при выходе на круг тем, связанных с состоянием и положением науки в современном российском обществе, с характером выбора способа и места существования, перед которым поставлена значительная часть молодых и зрелых учёных, специфика отечественных этических проблем проявляется в соответствующей подсистеме статей номера во всём её драматизме.

Глубоко, разносторонне и, что особенно важно, с опорой на собственный опыт эти вопросы рассмотре-

ны в статье Г.И. Абелева. Хочется отметить высокую этическую культуру самого подхода к заявленной теме в этой статье. Обсуждая проблему «вымывания мозгов» из отечественной науки, автор развёртывает панораму факторов материального и морального характера, влияющих на персональный выбор учёного и на оценку его выбора коллегами, описывает результаты и последствия этого явления, общественную реакцию на него и спектр вариантов и путей поддержки авторитетных и перспективных центров, школ и направлений отечественной науки, их наиболее ценных кадров.

Г.И. Абелев не формулирует безусловные этические императивы, единственно правильные административные решения и общественные оценки, он предостерегает от попыток «руководить наукой и указывать ей, где и что надо делать». Переадресация права выбора индивидуума и института и их ответственности за него более авторитетным персонам и органам, поиск *универсальных* рецептов или апелляция к такому — это традиционная, увы, попытка ухода от выработки и реализации собственного подхода и позиции. Дефицит самоорганизации не могут восполнить общегосударственные программы и мероприятия. Текст статьи Г.И. Абелева располагает к размышлению и заинтересованному обсуждению.

Здесь самое время отметить, что набор статей, представленных в номере, не преследует цель сформулировать некую «генеральную линию» или «собрать под одним крылом» учёных, отстаивающих какой-то единственно правильный подход или позицию по вынесенному на рассмотрение кругу вопросов. Для того, чтобы убедиться в этом, приглашаем читателя сравнить точки зрения Г.С. Хромова, Г.И. Абелева, В.Л. Иноземцева и В.Ф. Хрустова на тему распределения ролей личности, общества и государства в организации институтов науки и определении направлений научной деятельности.

Редакция Журнала разделяет далеко не все высказываемые авторами идеи. Так, педантичный подход к развитию науки, предлагаемый в статье И.В. Мелихова, представляется нам избыточно формализованным, а выводы, к которым приходит автор в результате анализа уравнений, более или менее очевидным. Не слишком ново звучат и выводы, заключающие статью Л.С. Саламона. Однако значимость этических проблем в деле охраны природы исключительно велика, поэтому мы сочли необходимым включить его статью в настоящий номер, тем более, что в ней приведен ряд неизвестных широкому читателю идей и примеров. Полагаем, что украшением номера послужит блестящее по форме эссе В.П. Смилги.

Надеемся, что читателям — даже очень далёким от проблем этногенеза — покажется интересной оригинальная концепция, предлагаемая в статье Ю.Л. Словохотова.

Закладывает основную часть выпуска статья О.В. Крылова «Будет ли конец науки?», которая первоначально предназначалась для запланированного редакцией номера «Наука на рубеже столетий», выход которого по ряду причин задерживается. Автор считает, что проблематика естественных наук ныне исчерпывается и рассматривает изменения в этой связи трактовки обществом задач научной деятельности и престижа профессии научного работника. Хотя этический подход в статье не доминирует, редакция считает, что её материал коррелирует с рассматриваемой темой и потому включает статью в номер.

Хотелось бы высказать ряд соображений по теме статьи С.Э. Шноля, посвящённой позициям и роли тех, кого автор определил как «конформистов», в «экстремальных условиях» периода 40-х – 50-х годов XX века в России. Речь в статье идёт не только о судьбах конкретных учёных, но об этической оправданности и даже предпочтительности, по мнению автора, занятых ими позиций. Тема взаимоотношений учёного с фигурами и институтами политической и экономической власти сохраняет свою актуальность не только в России, о чём, в частности, свидетельствует специальный раздел «Наука и власть» в докладе ПКОЭН, упомянутом выше.

Драматизм ситуаций, описанных в статье С.Э. Шноля, состоит в характере выбора, перед которым в указанный период были поставлены представители научной элиты российского общества. Для действующих лиц сюжетов, в которых событийно разворачивается проблематика статьи, самоочевидны и первостепенны – на уровне смысла жизни – два типа ценностей: первый – наука как система задач и целей и как институт, школа с их учениками и коллегами, за судьбы которых они считают себя ответственными; второй – представления о чести, добре и справедливости, о своей опять-таки ответственности за их соблюдение в сфере своих полномочий и своей компетентности, причём снова речь идёт о связи этих принципов с судьбами их коллег.

Герои сюжетов вынуждены отступить от одной из этих систем ценностей, предать кого-то из их творцов и хранителей для того, чтобы обеспечить существование и продвижение другой системы ценностей и кого-то из людей, выполняющих в ней аналогичную роль.

Вывод и «мораль» здесь могут быть разными. Для нас представляется этически предпочтительным следующий вывод: в описанных ситуациях рационализация решения, то есть его обоснование «из первых принципов», невозможна, ибо здесь нет универсального критерия выбора, героям повествований С.Э. Шноля это решение приносит страдание и оставляет в них чувство вины. Эта боль у них и за всех них не может и не должна утихать, пока общество не созреет до того цивилизационного уровня, при котором его осознанно рефлектирующая часть, прежде всего, естественно, его элита (элита не как власть, а как

признанный эталон) не добьётся права выбирать иначе. Более того, без этого чувства, видимо, такого права не добиться.

На наш взгляд, взрослеющее и выздоравливающее общество должно остерегаться трёх типов профанации в осмыслении рассмотренной С.Э.Шнолем проблемы.

Первый (вид снаружи, издалека) – легковесное вынесение вердикта по поводу чужого самоопределения в сфере жизненных ценностей, всё равно, оправдывающего или осуждающего: оправдание одного означает осуждение другого. *Второй*, по сути однотипный первому, (когда судьба ставит нас самих перед сходным выбором) – надевание шор, упрощающих задачу и облегчающих оправдание своего поступка, а то и уход от явного выражения позиции. *Третий* – в попытке не допустить первых двух типов профанации путём выработки универсальных принципов, на основе которых следует давать оценки и рекомендации конкретных поступков. На самом деле, в третьем первые два не преодолены, а упрятаны.

Разумеется, легко увидеть опасность «перебора» в высказанном подходе: переусердствовав в проблематизации, окажешься недееспособным. Мудрость, видимо, строится на чувстве меры. Для себя каждый определяет и вырабатывает его сам. В обществе же или в его подсистемах мера устанавливается статистически – в панораме разных подходов и реакций. Здесь мера – это вес подхода. «Срединный», «экономный» выбор пути для большинства осуществляется иногда благодаря воздействиям на его сознание и подсознание «иррациональных», эпатажных поступков «божьих дураков».

В связи с этим пониманием темы представляется неочевидной квалификация героев повествований С.Э. Шноля как «конформистов» (кавычки, в которые автор заключил этот термин в заголовке статьи, видимо, не случайны). Конформист озабочен прежде всего проблемами собственного выживания.

Закончить введение нам бы хотелось выражением, во-первых, благодарности всему коллективу авторов номера и, во-вторых, веры в то, что российское научное сообщество, взаимодействуя со всеми заинтересованными фигурами, организациями и институтами общества и государства, продвинется в понимании и на путях решения этических проблем, поставленных и рассмотренных в данном номере.